

*Джорджу Мартину,
хорошему наставнику, лучшему другу*

ПРОЛОГ ХОЛДЕН

Крисьен Авасарала умерла. Отошла во сне на Луне, четыре месяца назад. Долгая здоровая жизнь, короткая болезнь, и она оставила человечество совсем иным, чем приняла. Все новостные каналы заранее записали некрологи и воспоминания в готовности прокрутить их на тринадцать сотен миров — на все доставшееся человечеству наследство. В титрах и заголовках не стеснялись высокого стиля: «Последняя королева земли», «Смерть тирана», «Последнее прощай Авасаралы»... Все они одинаково больно били Холдена. Он не мог представить себе мира, не склоняющегося перед волей этой старухи. Даже когда до Лаконии дошло подтверждение, что новости не лгут, Холден костями верил, что она еще где-то есть: сердитая, злоязыкая, загоняющая себя за любые пределы человеческих сил, чтобы еще на шаг увести человечество от дикости. Между известием и внутренним согласием ему поверить прошел месяц. Крисьен Авасарала умерла. Но это не значило, что с ней покончено. На Земле собирались провести торжественные похороны, но Дуарте распорядился иначе. Срок Авасаралы в должности генерального секретаря Объединенных наций был важнейшим в истории периодом, а своей работой на благо не только родной планеты, но и продвижения всего человечества она заслужила долгую память и честь. Верховный консул Лаконии счел, что она по

праву и достоинству должна упокоиться в сердце империи. Похороны были назначены в здании государственного совета. Ее увековечат мемориалом. О роли Дуарте в последней бойне на Земле, так повлиявшей на карьеру Авасаралы, не упоминалось. Победители деловито переписывали историю. Холден не сомневался, что ее противостояние с Дуарте не забыто, хотя о нем и молчали пресс-релизы и государственные новостные каналы. А если кто и забыл, он-то помнил. Мавзолей — ее мавзолей, пока не появится личность, достойная его разделить, — выстроили из белого камня, отполированного до микронной гладкости. Огромные его двери закрылись, служба закончилась. Середину северного фасада украшал портрет Авасаралы. Его вырезали в камне, дополнив датами рождения и смерти и незнакомыми Холдену поэтическими строчками. Сотни кресел, расставленных вокруг возвышения для священника, уже наполовину опустели. Люди, прибывшие на церемонию со всей империи, разбились на группки знакомых. Трава вокруг склепа была не земной, но занимала ту же экологическую нишу и вела себя достаточно похоже, чтобы заслужить здесь то же название. Ветер, вполне теплый, не доставлял неудобств. Повернувшись спиной к зданию, Холден почти без усилия представил, что никто не мешает ему покинуть территорию дворца и уйти куда вздумается. Он был одет в лаконичный мундир, синий и украшенный расprostертыми крыльями, избранными Дуарте как символ империи. Высокий ворот теснил шею. И царапал кожу сбоку. Место для знаков различия пустовало. Эта пустота, видимо, должна была символизировать почетный плен.

— Вы будете на приеме, сэръ? — спросил охранник.

Холден задумался, насколько вырастет напряжение, если он скажет: «нет». Нет, он свободный человек и отвергает гостеприимство дворца. Каким бы ни был ответ, наверняка он предусмотрен и отработан. И, вероятно, ему не понравится.

— Подойду через минуту, — ответил Холден. — Я хотел еще... — Он неопределенно махнул рукой в сторону гробницы, словно смерть была универсальным пропуском. Напоминанием, что все установленные человеком законы и правила преходящи.

— Разумеется, сэр, — ответил охранник и снова слился с толпой.

И все равно Холден не чувствовал себя свободным. Ненавязчивые тюремщики — вот все, на что он мог надеяться. Одна женщина задержалась у подножия мавзолея, глядя на портрет Авасаралы. На ней было сари — яркой синева, напоминавшей цвет Лаконии ровно в меру вежливости и отличной от него ровно настолько, чтобы подчеркнуть неискренность этой вежливости. Холден, и не видя в ней сходства с бабушкой, узнал бы родню по этому тонкому до грубости оскорблению. Он подошел поближе. Кожа женщины была смуглей, чем у Авасаралы, зато глаза и тонкая улыбка оказались знакомыми.

— Соболезную вашей потере, — произнес Холден.

— Спасибо.

— Мы не представлены. Я...

— Джеймс Холден, — кивнула женщина. — Я знаю. Бабушка иногда о вас рассказывала.

— А... Хотелось бы мне послушать. Мы с ней не всегда сходились во взглядах.

— Да, не всегда. Я Каджри. Она звала меня Кики.

— Удивительная была женщина.

Они помолчали два долгих вдоха. Ветер трепал сари Каджри, как треплет флаги. Холден собирался отойти, когда она снова заговорила.

— Ей бы это вовсе не понравилось, — сказала она. — Утащили в лагерь врагов и чествуют, пользуясь тем, что она уже не может раздавить им яйца. Приписали себе, едва она потеряла возможность драться. Она сейчас так

вертится в гробу, что приделать турбину — и хватит энергии на целую планету.

Холден тихо хмыкнул, то ли соглашаясь, то ли нет. Каджри пожала плечами.

— А может, и нет. Все это могло ее попросту насмешить. С ней никогда нельзя было предсказать.

— Я многим ей обязан, — признался Холден. — Не всегда понимал, как она помогала мне, чем могла. А я так и не успел ее поблагодарить. Или... может, время было, да я не торопился. Если я что-то могу сделать для вас или вашей семьи...

— Вы, сдается мне, не в том положении, чтобы предлагать услуги, капитан Холден.

Он оглянулся на дворец.

— Да, сейчас я не в лучшей позиции. Но все равно мне хотелось это сказать.

— Я ценю ваши чувства. К тому же, как я слышала, вы сумели приобрести некоторое влияние. Пленник, близкий к уху императора?

— Насчет этого не знаю. Я много говорю, а вот слушают ли меня?.. Кроме разве что охраны. Те, полагаю, ловят каждое слово.

Она хихикнула, и смешок получился теплее, сочувственнее, чем он ожидал.

— Непросто жить, никогда не оставаясь наедине с собой. Я росла, зная, что каждое мое слово мониторят, каталогизируют, заносят в досье и оценивают на потенциальную опасность компрометации меня или семьи. Где-то еще хранятся архивы разведслужб на каждый мой подростковый кризис.

— Из-за нее? — спросил Холден, кивнув на гробницу.

— Из-за нее. Но она же и дала мне инструмент, помогающий выживать в этом. Она научила использовать все, чего мы стыдимся, как оружие унижения против желающих нас унижить. Есть один секрет, знаете?

— Какой секрет?

Каджри улыбнулась.

— Те, кто имеет над нами власть, тоже слабы. Они ходят в туалет, менструируют, теряют любовь своих детей. Они стыдятся давних, прочно всеми забытых глупостей, которые натворили в юности. И потому они уязвимы. Мы определяем себя через окружающих нас людей — это наше врожденное обезьянье свойство. Нам через него не перешагнуть. И потому, наблюдая за вами, они вручают вам средство изменить и их тоже.

— И этому она научила вас?

— Научила, — согласилась Каджри. — Сама того не зная.

Словно в доказательство ее мысли, по траве к ним двинулся охранник — неторопливо, оставляя им время заметить его и договорить. Каджри, повернувшись к нему, подняла бровь.

— Прием начнется через двадцать минут, мэм, — сказал охранник. — Верховный консул особо надеется на встречу с вами.

Она ответила улыбкой, которую Холден прежде видел на других губах.

— Мне и в голову не приходило его разочаровывать.

Холден предложил ей руку, Каджри оперлась на нее. Отходя, он кивнул на мавзолей, на стихотворную надпись на стене. «Если за смертью есть жизнь, я буду искать тебя там. Если нет, тоже буду».

— Любопытная цитата, — заметил он. — Мне она кажется знакомой, но не вспоминается. Кто это написал?

— Не знаю, — сказала Каджри. — Но она просила написать эти слова на могиле. Откуда они, не говорила.

На Лаконии собрались все, кто хоть что-то собой представлял. Эту фразу следовало понимать в нескольких

смыслах. Идея Дуарте переместить центр человечества из системы Сол в свою империю встретила такую поддержку и сотрудничество, что Холден сначала поразился, а потом затаил разочарование в человеческой расе. На Лаконию переносили свои центры самые престижные научно-исследовательские институты. Четыре балетные труппы, отбросив вековое соперничество, поделили между собой нишу культуры. В новые, приближенные ко двору и источникам финансов столичные институты стремились знаменитости и ученые мужи. Здесь уже снималось кино. Мягкая сила культуры готова была на полной скорости хлынуть в сеть и на все каналы, вселяя уверенность в верховном консуле Дуарте и вечности Лаконии. Не отставал и бизнес. Дуарте заранее подготовил для этого банки и офисные здания. Ассоциация Миров уже не сводилась к Кэрри Фиск в задрипанном кабинетике на Медине. Ей достался собор в центре столицы: просторный, как ангар, изнутри и возносящийся витражными стенами до самых небес снаружи. Были здесь и власти Союза перевозчиков — в здании поменьше и не столь прекрасном, так что с первого взгляда делалось ясно, кто в фаворе, а кто на испытательном сроке.

Холден наблюдал все это из здания государственного совета, ставшего ему домом и тюрьмой, — и ему казалось, что он живет на острове. В границах города Лакония выглядела чище, новее, ярче и лучше управляемой, чем большинство известных Холдену космических станций. Сразу за границами начинались дебри, знакомые только по книжкам сказок. Чтобы изучить и приручить древние леса и чужие руины, требовалось не одно поколение. До Холдена доходили сплетни и слухи о воскрешенных первыми опытами жутких пережитках чужой технологии: роющих червях размером с космический корабль, собакообразных ремонтных дронах, не отличавших механизма от живой плоти, хрустальных пещерах с пьезоэлектричес-

кими эффектами, наводивших музыкальные галлюцинации и опасное для здоровья головокружение. Столица теперь обозначала человечество, а планета вокруг нее осталась чужой. Островок надежности в море «этого мы пока не понимаем». Отчасти Холдена ободрял тот факт, что посягнувшему на звание бога-императора Дуарте не удалось за несколько десятилетий исполнить все задуманное. Отчасти тот же факт его ужасал.

Зал приемов был величественным, но без излишеств. Если Лакония строилась по замыслам Дуарте, значит, в душе верховного консула наличествовали зыбкие ниточки личной умеренности. При всем великолепии города, при всех ошеломительных амбициях Дуарте его дом и двор не поражали пышностью и даже не были особенно нарядными. Чистые линии и нейтральная палитра балльного зала создавали изящество, не слишком озабоченное чужим мнением. Здесь и там были расставлены кресла и кушетки, которые гости могли передвигать как захочется. Молодые люди в военной форме разносили вино и чай с пряностями. Все, чем окружал себя Дуарте, говорило не столько о силе, сколько об уверенности. И прием хорошо работал — он продолжал действовать даже после того, как Холден его распознал. Взяв бокал вина, Холден принялся прогуливаться среди гостей. Некоторых он узнавал с первого взгляда. Кэрри Фиск из Ассоциации Миров: королева за длинным столом с губернаторами дюжины колоний, наперебой спешившими посмеяться ее шуткам. Торне Чао — лицо самого популярного новостного канала, вещавшего с Бара Гаон. Эмиль-Мишель Ли в свободном зеленом платье — своей «торговой марке», с которой она расставалась только на съемочной площадке. Но на каждое лицо, которое Холдену удавалось связать с именем, находилась дюжина смутно знакомых. Он шел сквозь прозрачный туман вежливых улыбок и ни о чем не говоривших приветственных кивков. Он присутствовал здесь

потому, что Дуарте пожелал, чтобы его видели, но диаграмма Венна по числу людей, добывающихся благосклонности верховного консула, и людей, рискующих вызвать его недовольство, приветив высокопоставленного заключенного, не слишком перекрывалась. Хотя находились и улыбающиеся двум сторонам.

— Я еще не настолько пьяна, — объявила президент Союза перевозчиков Камина Драммер, оперевшись на высокий столик и обхватив бокал ладонями.

В реале она выглядела старше. Холден, не отделенный от нее камерой, сканером и миллиардами километров, яснее различил морщинки у глаз и у рта. Чуть подвинувшись, она освободила ему место у столика, и он принял приглашение.

— Не знаю, сколько тут надо выпить, — ответил он. — Напиться до отключки? Или чтобы лезть в драку? Или чтобы плакать в уголке?

— Вы, похоже, даже не навеселе.

— И верно. Я нынче почти не пью.

— Бережете мозги?

— И желудок тоже.

Драммер улыбнулась, выкашляла смешок.

— Почетному пленнику позволяют общаться с людьми. Наводит на мысль, что вы им больше не нужны. Что, выжали весь сок?

Тон разговора можно было принять за поддразнивание между коллегами, одинаково отпавшими от власти и живущими в сумерках политики. А можно было расслышать в нем большее. Окольный вопрос, не вынудили ли его предать подполье Медины. Сломали его или нет. Драммер не хуже Холдена знала, что их слушают даже здесь.

— Я по мере сил помогаю им разобраться с угрозой чужаков. В остальном, если бы меня и стали спрашивать, все мои ответы — уже вчерашний день. А здесь я, полагаю, потому, что Дуарте счел это полезным для себя.

— Цирк с ослами.

— Цирк с собачками, — поправил Холден и, видя ее недоумение, пояснил: — Так говорят: «цирк с собачками».

— Ну конечно, — согласилась она.

— А вы как? Как идет разгон Союза?

Глаза Драммер блеснули, улыбка стала шире. И ответила она голосом «на камеру», хрупким, теплым и фальшивым, как пустой орех:

— Я весьма довольна тем, как гладко происходит перевод под надзор лаконских властей и Ассоциации Миров. Наша главная цель — сохранить все полезные наработки и внедрить новые процедуры, позволяющие очистить лес от сухостоя. Нам удалось поддержать и даже увеличить эффективность торговли, не поступившись безопасностью, которой требует высшее предназначение человечества.

— Так плохо?

— Напрасно я кусаюсь. Могло быть хуже. Пока я — хороший солдатик, а Дуарте рассчитывает с моей помощью вытащить Сабу на солнышко, боксы мне не грозят.

От главного входа по толпе прокатился ропот и волнение. Все взгляды обращались в одну сторону, как опилки в магнитном поле. Холден и не глядя мог сказать, что прибыл Уинстон Дуарте, но все же оглянулся.

Одет Дуарте был почти так же, как Холден. И отличался тем же дружелюбным спокойствием, с которым, похоже, никогда не расставался. А вот охрана у него была заметнее, чем приставленная к Холдену: двое коренастых телохранителей с личным оружием и поблескивающими имплантированными устройствами в глазах. С ним явился и Кортасар, но тот держался поодаль с миной мальчишки, которого отвлекли от игры ради семейного обеда. Настоящий подросток — дочь Дуарте Тереза — стояла рядом с отцом.

Кэрри Фиск, покинув губернаторское собрание, засеменила навстречу, пожалала правителю руку. Обменявшись

с ним несколькими словами, она повернулась к Терезе и тоже пожала ей руку. За спиной Фиск уже сгущалась маленькая толпа: все деликатно старались занять позицию для встречи с великим человеком.

— Жуткий сукин сын, а? — заметила Драммер.

Холден хмыкнул. Он не понял, что она имеет в виду. Может быть, только вымуштрованное на почтительные поклоны окружение. Хватило бы и этого. Но могла она заметить и то, что видел Холден: дрожащий взгляд, перламутровый отлив кожи. Холден наблюдал действие протомолекулы чаще всех — кроме только сотрудников лаборатории Кортасара. И он раньше распознал побочные эффекты ее воздействия на Дуарте.

Он поймал себя на том, что неприлично глазеет. Более того, глазели все, и его просто увлек напор общего внимания. Холден, сделав над собой усилие, снова перевел взгляд на Драммер. С неудовольствием признал, что усилие потребовалось немалое.

Ему хотелось спросить о новостях из подполья: такой ли неизбежностью видится Дуарте в огромном вакууме между мирами, как здесь, у себя дома.

— Есть известия о подполье? — спросил он.

— Сколько-то недовольных будет всегда, — ответила она, держась на грани между простодушием и многозначительностью. — А вы как? Как проводит время прославленный капитан Джеймс Холден? Ходит в гости? Потрясает кулаками в бессильной ярости?

— Вот уж нет. Всего лишь строит козни и выжидает момента для удара, — ответил Холден. И оба улыбнулись, словно это была шутка.

ГЛАВА 1 ЭЛВИ

«**М**ир еще удивительнее, чем вы думаете». Эту фразу любил повторять один профессор, преподававший у них в студенческие годы Элви. Профессор Эрлих, старый ворчливый немец с длинной седой бородой, напоминавшей Элви о садовых гномах, говорил это каждый раз, когда студент поражался результату лабораторных опытов. Тогда Элви находила его поговорку банальностью. Разумеется, вселенная полна сюрпризов.

Профессора Эрлиха, конечно, уже нет в живых. Он почти исчерпал возможности продлевающих жизнь технологий, когда Элви было чуть за двадцать. Сейчас у нее дочь старше. Но, будь он жив, Элви охотно принесла бы ему многословные и сердечные извинения.

Мир не просто удивительней, чем вы думаете, он удивительнее, чем можно себе представить. Каждое новое чудо, каким бы поразительным оно ни было, всего лишь закладывало фундамент для еще более потрясающих открытий. Вселенная постоянно сдвигала определение понятия «странное». Открытие на Фебе протомолекулы, в которой все тогда видели инопланетную форму жизни, до основания потрясло человечество, но известие, что протомолекула — не столько инопланетянин, сколько орудие инопланетян, растревожило людей еще сильнее. Всего лишь подобие гаечного ключа, только этот ключ превра-

тил целую астероидную станцию Эрос в космический корабль, оседлал Венеру, создал кольцо врат и открыл неожиданный выход к тринадцати сотням миров за ними. Мир удивительнее, чем вы думаете. Как вы правы, профессор!

— Что это? — спросил ее муж Фаиз. Они стояли в рубке ее корабля, «Сокола». Корабля, подаренного Лаконской империей. На экране в высоком разрешении появилось то, что все называли «объектом». Планетарное небесное тело чуть больше Юпитера, почти прозрачное, как огромный хрустальный шар с легким зеленоватым оттенком. Единственная структура в системе Адро.

— Пассивная спектрометрия показывает почти чистый углерод, — сказал Травон Барриш, не отрываясь от рабочего экрана, на котором прокручивались данные. Он был специалистом по материаловедению, и другого такого буквалиста Элви не встречала. Так он ответил на вопрос Фаиза. Но Элви понимала, что муж спрашивал не о том. Он спрашивал: «Зачем это?»

— Упаковано в плотную кристаллическую решетку, — подала голос физик Джен Лавли. — Это...

Она запнулась, и Элви договорила за нее:

— Алмаз.

В семь лет мать привезла Элви на свою родину, в Нигерию, по случаю смерти незнакомой девочке двоюродной бабушки. Пока мать занималась похоронами, Элви бродила по дому. Она играла сама с собой, пытаясь восстановить образ покойной по оставшимся от нее вещам. На полке у кровати улыбался с фотографии молодой человек, темнокожий и светлоглазый: муж, брат или сын? В крошечной ванной комнате среди разбросанных пакетиков дешевого мыла и салфеток таинственно мерцала зеленью красивая хрустальная бутылочка: духи или яд? Все принадлежавшее этой незнакомой женщине представлялось Элви фантастическим и притягательным. Много лет спустя, чистя зубы, она вдруг вспомнила запах и поняла, что

зеленая жидкость в бутылочке почти наверняка была полосканием для рта. Одна тайна разрешилась, но возникли новые вопросы. Почему она держала полоскание в таком красивом флакончике, а не в экологичной фабричной упаковке? От чего был этот флакон? Она действительно пользовалась им для полоскания — или употребляла с тайной целью, до которой Элви не додумалась? Та, что могла бы объяснить, умерла, и тайна навеки осталась тайной. Некоторые вещи непонятны вне контекста.

Обзорный экран заполнил собой одинокий зеленоватый бриллиант, гладкий, словно после машинной полировки, и плывущий по системе угасающего белого карлика, где не было других планет. Хрустальная бутылочка с полосканием в окружении дешевых брусков мыла на грязной полочке в ванной. Фаиз прав. Единственный осмысленный вопрос здесь: «Зачем?» — но все знавшие ответ умерли. И остался только ответ профессора Эрлиха.

«Сокол» был сконструирован по особому запросу верховного консула Дуарте специально для Элви и имел одну задачу: побывать в сети врат «мертвых систем» в поисках следов безымянного врага, уничтожившего цивилизацию создателей протомолекулы, или той невероятной нематериальной пули, которую он — или оно, потому что неясно, каким местоимением обозначить расположенный вне измерений и пространства прекурсор, — оставил после себя.

До сих пор «Сокол» побывал в трех таких местах. И каждое оказывалось чудом. Элви не нравилось обозначение «мертвая система». Люди привыкли называть их так потому, что там не было пригодных для жизни планет. Да, никакая постижимая для человека жизнь не возможна на этом бриллианте величиной с Юпитер, плывущем по орбите белого карлика. Но и возникновение подобного естественным путем немислимо. Его кто-то создал. Инженерия такого масштаба внушала благоговение в буквальном смысле слова. В этом чувстве в равных пропорциях